

УДК 821.161.1+821.512.133]'06:398.2

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ:
СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ СКАЗКАХ**

Норхожаева Мохларой Акмаловна

Андижанский государственный университет имени З. М. Бабура

Студентка 1 курса бакалавриата.

norhujayevamohlaroy@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20594464>

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ лингвистических особенностей русских и узбекских сказок о животных. Рассматриваются три ключевых аспекта: система образов персонажей, лексические особенности текстов и их композиционное своеобразие. Выявлено типологическое сходство двух традиций — наделение животных человеческими качествами, — а также принципиальные различия, обусловленные географическими, историческими и культурными факторами. Лексический уровень характеризуется богатством национально маркированных единиц: в русских текстах преобладают уменьшительно-ласкательные формы и постоянные эпитеты, в узбекских — этикетные формулы и восточные заимствования. Показано, что, несмотря на внешнюю сюжетную схожесть, языковое оформление сказок остаётся глубоко самобытным для каждого народа.

Ключевые слова: сказки о животных, система образов, лексические особенности, композиция, сопоставительная лингвистика, русский фольклор, узбекский фольклор, лингвокультурология.

Abstract. This article presents a comparative analysis of the linguistic features of Russian and Uzbek animal tales. Three key aspects are examined: the system of character images, the lexical characteristics of the texts, and their compositional peculiarities. A typological similarity between the two traditions has been identified — the attribution of human qualities to animals — as well as fundamental differences conditioned by geographical, historical, and cultural factors.

At the lexical level, both traditions are rich in nationally marked units: Russian texts are characterized by diminutive forms and fixed epithets, while Uzbek texts feature etiquette formulas and Eastern borrowings. Despite apparent plot similarities, the linguistic expression of the tales remains deeply distinctive for each people.

Keywords: animal tales, system of images, lexical features, composition, contrastive linguistics, Russian folklore, Uzbek folklore, linguoculturology.

Сказки о животных занимают особое место в фольклорном наследии любого народа.

Аллегорические образы зверей служат универсальным средством передачи нравственных ценностей, жизненного опыта и культурных установок. С позиций лингвокультурологии такие тексты представляют исключительный интерес: именно в них наиболее рельефно проявляется национальная специфика языка, обусловленная историей, бытом и мировоззрением народа.

Сопоставление русских и узбекских сказок о животных позволяет проследить, как две принципиально разные языковые системы — славянская и тюркская — воплощают схожие сюжетные архетипы. Русский и узбекский фольклор формировались в различных географических и историко-культурных условиях: лесная зона Восточной Европы с её православной традицией и степные просторы Центральной Азии с многовековым влиянием ислама и восточной литературной культуры. Эти факторы непосредственно отразились в языке сказочных текстов.

Цель данной статьи — выявить и систематизировать ключевые лингвокультурологические особенности сказок о животных в русском и узбекском языках, последовательно рассмотрев систему образов, лексический состав и композиционную структуру текстов.

Система образов: лингвокультурологический аспект

Система персонажей в сказках о животных отражает картину мира конкретного народа. В обеих традициях животные наделяются человеческими качествами и выступают носителями определённых моральных характеристик, однако набор персонажей и их культурные коннотации существенно различаются.

В русских сказках о животных центральное место занимает лиса — хитрая, лукавая, изворотливая. Её образ пронизан иронией: она носит «величальные» имена — Лиса Патрикиевна, Лизавета Ивановна — что создаёт комический эффект несоответствия между торжественной формой и плутовским содержанием. Лиса обманывает старика, притворившись мёртвой («Лиса и волк»), соблазняет петуха льстивыми речами («Кот, петух и лиса»), выгоняет зайца из избы («Лиса и заяц»). Языковая маска лисы — это маска речевого манипулятора, мастера слова.

Волк в русских сказках — антипод лисы: сильный, но наивный и глупый, он неизменно становится жертвой её плутовства. Медведь — «Михаил Иванович» или «Мишка» — воплощает грубую силу, соединённую с простодушием. Заяц, несмотря на трусость, не лишён смекалки; его «оружие» — плач и умение вызвать сочувствие окружающих. Эти образы устойчиво соотносятся с лесным ландшафтом, характерным для русской культурной зоны.

Узбекские сказки о животных формируют иную систему образов, связанную с реалиями степного и земледельческого быта. Домашние животные — коза, овца, бык, ишак, вол — занимают в них значительно более весомое место, чем в русских текстах, и нередко выступают главными героями. Они изображены измождёнными от непосильного труда и уходят из дома в поисках свободы («Умная коза», «Сусамбль»). В финале эти смиренные, казалось бы, персонажи одерживают победу над хищниками — волком, лисой, — что несёт отчётливую дидактическую нагрузку.

Лиса в узбекских сказках также хитра, однако культурный контекст её образа иной: она, как правило, получает заслуженное наказание. Аистиха сбрасывает её за съеденных птенцов («Лиса и аистиха»), умная перепёлка заводит её в капкан («Хитрая перепёлка»), охотник ловит её после коварного преступления («Охотник и волк»).

Торжество справедливости — принципиально важная черта узбекской сказочной традиции. Вместе с тем лиса может выступать и мудрым помощником, спасающим пастуха от змеи («На то у змеи жало, чтоб жалить»), — что свидетельствует о большей амбивалентности её образа.

Лингвокультурологически значимо и то, какие именно животные населяют каждую из традиций. Русские сказки тяготеют к образам лесной фауны: медведь, волк, заяц, лиса, дятел. Узбекские сказки включают персонажей, характерных для иного природного и хозяйственного уклада: ишак, верблюд, лев, черепаха, перепёлка. Эти различия не случайны — они отражают реальный опыт народов и их взаимодействие с природной средой.

В обеих традициях прослеживается общая типологическая черта: домашние животные ищут место, где можно жить свободно и сыто. Однако если в русских сказках они чаще объединяются против общей угрозы («Зимовье зверей»), то в узбекских каждый персонаж нередко действует самостоятельно, опираясь на личную смекалку. Это различие отражает разные модели коллективного и индивидуального поведения в двух культурах.

Лексические особенности в лингвокультурологическом контексте

Лексический уровень является наиболее чувствительным индикатором национально-культурной специфики сказочного текста. Именно через конкретные слова и устойчивые выражения транслируются ценности, эстетические установки и картина мира народа.

Одной из ярких черт русской сказочной лексики является система постоянных эпитетов: хитрая лиса, серый волк, косой заяц. Эти устойчивые сочетания восходят к архаическому пласту языка и выполняют не только характеризующую, но и ритмообразующую функцию, сложившуюся в эпоху устной передачи текстов. Постоянный эпитет — это формула памяти, инструмент сохранения культурного кода.

Уменьшительно-ласкательные формы пронизывают русские сказочные тексты: лисичка, зайчик, петушок, волчок, мышка. Эта морфологическая особенность русского языка не просто придаёт тексту эмоциональную теплоту — она маркирует позицию рассказчика, его отношение к персонажам. Параллельно существуют торжественные «величальные» антропонимы: Михаил Иванович, Котофей Иванович, Лиса Патрикиевна.

Ирония возникает именно в столкновении этих двух регистров: зверь носит «человеческое» имя-отчество, что обнажает его претензии и усиливает комический эффект.

Национально маркированная лексика русских сказок неотделима от реалий крестьянского быта: изба, печь, лапоть, сани, хлев. Эти слова-реалии несут в себе глубокий культурный смысл и не поддаются дословному переводу — они являются ключами к пониманию русской языковой картины мира. Пространство русской сказки — это пространство деревни и леса, организованное вокруг дома и печи как культурных центров.

Узбекская сказочная лексика формируется в принципиально иной культурной системе координат. Широко представлены этикетные формулы обращения, свойственные тюркской речевой традиции: животные нередко приветствуют друг друга с поклонами и почтительными титулами, что создаёт особый торжественный колорит.

Этикетность речи — показатель культуры и воспитания персонажа — является значимой ценностью узбекской картины мира.

Арабские и персидские заимствования, закрепившиеся в узбекском языке под влиянием ислама и восточной литературной традиции, придают сказочным текстам особую стилистическую окраску. Эти слои лексики несут в себе отсылки к высокой книжной культуре и религиозному мировоззрению, органично вплетёнными в народный нарратив.

Реалии узбекских сказок — арба, дутар, айван, ишак, дастархан — так же непереводимы, как русские изба и лапоть. Они формируют совершенно иное пространство повествования: двор, степь, базар, дехканское хозяйство. Это пространство открытое, связанное с солнцем и землёй, в противовес замкнутому лесному миру русских сказок.

Таким образом, лексические системы обоих сказочных корпусов отражают уникальные способы восприятия и означивания мира. Каждое слово-реалия — это свёрнутый культурный текст, хранящий память о быте, верованиях и ценностях народа.

Композиционное своеобразие как отражение культурных установок

Композиция сказок о животных подчиняется устойчивым жанровым законам, однако каждая национальная традиция наполняет общую схему неповторимым языковым содержанием, отражающим глубинные культурные установки.

Русские сказки о животных открываются традиционными зачинами: «Жили-были...» или более краткими ситуативными формулами: «Шла лиса по дороге...». Зачин выполняет функцию перехода в особое нарративное пространство — пространство сказки, где действуют иные законы. Концовки нередко носят назидательный или юмористический характер, указывая на восстановление справедливости и тем самым утверждая ценностную норму.

Диалог в русских сказках — важнейший композиционный инструмент. Он строится на противопоставлении хитрости и наивности, умного и глупого. Повторяющиеся реплики-формулы («Я от дедушки ушёл, я от бабушки ушёл...») создают ритмическую структуру, облегчающую запоминание и восходящую к магическому заклинанию. Троекратные повторы — характернейшая черта русской сказочной композиции — отражают архаическое числовое мышление и создают нарастающее напряжение.

Узбекские сказки открываются зачином «Бор экан, йўқ экан» — «Было — не было».

Эта формула структурно близка к русскому «Жили-были», однако несёт принципиально иную философскую нагрузку: в ней заложена характерная для тюркской поэтики антитеза бытия и небытия, указывающая на зыбкость границы между действительным и воображаемым. Сказочный мир вводится через парадокс — он одновременно существует и не существует.

Диалоги в узбекских сказках строятся на развёрнутых этикетных формулах приветствия и прощания, что придаёт им особую торжественность. Вежливость речи — не просто бытовая норма, но показатель нравственного достоинства персонажа. Герой, нарушающий этикет, тем самым обнаруживает свою моральную ущербность; герой, соблюдающий его, заслуживает победы.

Концовки узбекских сказок нередко содержат прямой моральный вывод — дидактическая функция фольклора здесь выражена эксплицитнее, чем в русских текстах.

Общей чертой обеих традиций является трёхчастная композиция: завязка — развитие действия — развязка. Однако «парные столкновения» узбекских сказок отличаются от троекратных повторов русских: в первом случае акцент делается на единоборстве двух начал (умного и глупого, слабого и сильного), во втором — на накоплении и нарастании. Эти структурные различия отражают разные модели конфликта и его разрешения, укоренённые в культурной традиции каждого народа.

Заключение

Проведённый лингвокультурологический анализ русских и узбекских сказок о животных позволяет сформулировать следующие выводы.

В системе образов обеих традиций прослеживается типологическое сходство — наделение животных человеческими чертами и моральными характеристиками. Вместе с тем набор персонажей и их культурные коннотации определяются природной и историко-культурной средой: лесной ландшафт и крестьянский уклад русской традиции противостоят степному и земледельческому миру узбекских сказок. Лисья модель является наиболее универсальной в обоих корпусах, однако её культурное наполнение различно: в русских текстах лиса — безнаказанный плут, в узбекских — плут, получающий возмездие.

На лексическом уровне каждая традиция демонстрирует богатство национально маркированных единиц. Русская сказочная лексика отличается уменьшительно-ласкательными суффиксами, постоянными эпитетами и реалиями крестьянского быта.

Узбекская лексика характеризуется этикетными формулами, арабо-персидскими заимствованиями и реалиями восточного уклада жизни. Слова-реалии обеих традиций непереводимы в полной мере и являются хранителями культурной памяти.

Композиционно обе традиции тяготеют к трёхчастному делению, однако зачины и концовки строго определены национальным канонами. Русский зачин «Жили-были» и узбекский «Бор экан, йўқ экан» отражают разные философские модели отношения к вымыслу и действительности. Диалоги выполняют ключевую сюжетобразующую функцию, различаясь по стилю: динамичные словесные поединки в русских сказках и торжественные этикетные обмены в узбекских.

Таким образом, при внешней сюжетной схожести лингвистическое оформление сказок остаётся глубоко самобытным для каждого народа. Язык сказки — это не просто оболочка сюжета, но важнейший инструмент сохранения и передачи культурного кода.

Список использованной литературы

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. — М.: Наука, 1984.
2. Афзалов М. И. Ўзбек халқ эртаклари ҳақида (Об узбекских народных сказках). — Тошкент: Фан, 1964.
3. Зуева Т. В. Сказка. — М.: Просвещение, 1993.
4. Имомов К. Ўзбек халқ прозаси. — Тошкент: Фан, 1981.

5. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. — М.: Высшая школа, 1989.
6. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. — М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
7. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2001.
8. Саидов М. Ўзбек ва рус халқ эртакларининг қиёсий таҳлили. — Тошкент, 1965.
9. Ўзбек халқ эртаклари: 3 томлик. — Тошкент: Фафур Гулом номидаги нашриёт, 2007.
10. Юсупов Ш. Ўзбек халқ эртакларида ҳайвонлар образи. — Тошкент: Фан, 1974.